

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕВОРОТА В ГНОСЕОЛОГИИ

Статья посвящена монографии автора «Основания интеллектуальной культуры человечества: история зарождения натуралистического мышления», которая уже подготовлена к публикации и готовится к изданию. Но данная статья — не сжатое изложение содержания самой монографии, а отношение к ней извне, того «вне», которое создано **итогами** монографии: отдельные заметки об **идейной стороне**.

Общая направленность монографии — преодоление наивного натурализма в мышлении вообще и в науке, в частности. Это намерение автор не мог заявлять в монографии, тем более, начать им, ибо даже философски подготовленному читателю оно покажется хотя и благим, но безобидным и беззубым — мало ли было «борцов» с натурализмом, да еще к тому же — с наивным натурализмом. Строго говоря, всю историю философской культуры следует считать именно попыткой преодолеть наивный натурализм. Более того, с Иммануила Канта, натурализм должен был быть вообще нетерпимым, по крайней мере, в среде «серьезных» философов. Но что такое позитивизм, заявляющий себя философской школой?

Наивный натурализм понимать следует как ступень развития всей психики, а не одного только мышления: он есть нечто обычное и естественное для человека, а на начальном (дофилософском) уровне развития психики, вообще единственный способ восприятия-мышления. Наивный натурализм и состоит в наивной вере в то, что зрение (и другие органы чувств) работают подобно фотоаппарату. Он полагает восприятие только физическим процессом, предшествующим мысли и якобы поставляющим для нее материал. Но физические процессы — только физика, стать психическими конструкциями они не могут. Конструирует мышление мысль и она делает это в самом акте так называемого восприятия. Мысль возникает перед восприятием и предлагает ему объекты,

которые сама же до того (и логически и исторически раньше) выстроила. После этого мы и находим объекты руками, если хотим проверить — не врут ли нам глаза.

Восприятие есть угадывание-квалификация ситуации и составляет опору мышления, основанного на показаниях органов чувств. Мысль и восприятие на первой ступени восприятия-мышления просто еще не распались.

Требуется абсолютный переворот в гносеологии через радикальное преодоление наивного натурализма во всей интеллектуальной культуре. Она выросла на наивном натурализме, он до сих пор — **организационный принцип** всей позитивной науки.

Отдельными мыслителями безраздельное господство натурализма осознается.

Г. П. Щедровицкий в статье «Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейательностного подходов»¹ прямо противопоставил натурализму иной — системомыследейательностный подход, чем «высветил» натурализм и многие его свойства. Но у Щедровицкого нет отношения между этими двумя подходами, они у него — нечто рядом положенное, нет прямой связи со степенью развития психики и со степенью развития человечества, нет исторического взгляда.

Автор относит себя к другому методологическому направлению в науке — концептуальному направлению С. П. Никанорова, направлению **практическому**. Свою же работу автор понимает как теоретическое обоснование-объяснение практических убеждений данного научного направления, выработанных именно в прикладных, научно-практических работах.

«В рамках какой концептуальной схемы мы разговариваем?» — спрашивает Никаноров собеседника и тем самым не только заставляет его задуматься по существу вопроса, но еще и как бы требует от него методологической культуры — явного договора о предмете. Стихийный, через «содержание», а не через полагание, договор об общей концептуальной модели, мягко говоря, не есть лучший способ сопряжения мыслей двух

¹ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит, 1995. С. 143.

лиц. Более того, автор в этом вопросе Никанорова находит гораздо более важное для себя и **позитивное утверждение**: мысль, мышление возможно только в концептуальных схемах. В **историческом** подходе именно этот смысл и обнаруживается: нет и не бывает просто «умных мыслей», а утверждения оценивать следует только совместно с явно предъявляемой моделью Бытия!

Это – та важнейшая и идейная опора, без которой автор вряд ли смог бы в одиночку противостоять грандиозной проблеме гносеологии. Вопреки расхожему мнению эта проблема не только не решена, но даже и не поставлена. Ведь Иммануил Кант искал «маленький довесок, который нужно вычесть» из опытного знания и тем самым получить «истинное знание».

Автор же заявляет именно о необходимости абсолютного переворота самого понимания возможностей познания человека — в своем **интеллектуально выразимом** познании человек ограничен в познании своим интеллектуальным вооружением, моделями Бытия: их строением-составом и «способом бытия»! Считается, что человек от природы может знать все, а проблема лишь в том, что он узнает не сразу всё — например, еще не изучил глубины океана или просторы космоса. Будто бы осталось создать телескопы и микроскопы помощнее. Ведь уже не остается неисследованных точек на поверхности Земли, тотально охваченной наблюдением со спутников. Та же будет и со всем Бытием. Именно этот пафос потенциального всезнайства нынешнего человека господствует безраздельно и в научной среде. Автор же противопоставляет этому мнению радикальное иное понимание положения человека и человечества в Бытии — понимать и «знать» человек может только то, для чего он создал (всем своим бытием, а не одной только якобы мыслью) целенаправленно или пока стихийно (до осознания) модели Бытия, интеллектуальное вооружение, с которым он подступает к Бытию. Кант решительно антиисторичен, его доопытное знание никак не объяснимо и по статусу равно

«врожденным идеям» Платона. Но наивная вера во врожденные идеи — это не просто ненаучный подход, а капитуляция науки.

Необходимо объяснить их как прижизненно вырабатываемое и частично (опять же — как конкретно) наследуемое (персонального труда выработки абстракций и в этом случае не избежать). Ведь **человек не начинает** свое общее психическое и, в частности, интеллектуальное развитие каждый раз с нуля и заново, а лишь продолжает его — вот правильная идея В.И. Несмелова.

И идея монографии проста — автор давно догадывался о том, что в основе натурализма лежит общая для каждого человека и для **всех, взятых вместе**, общая и для персон-одиночек и для исторического человечества модель Бытия, которая сложилась сама собой, стихийно и вполне естественно — как сопровождение тех форм деятельности, которые были свойственны первоначальному человечеству. Эта модель вошла в жизнь общества в качестве его неосознаваемой и пока еще не подвергавшейся сомнению (ввиду очевидности) основы — люди через нее, сквозь нее все и вся видят, все и вся понимают, это их собственная суть и основа, разве могут они на это посягнуть и в этом усомниться?

«Я же вижу дерево отдельным — как же ты говоришь, что составность Бытия — это лишь гипотеза!» — говорит натуралист.

И уж совсем невыносима, неприемлема, просто дика и «ненаучна» для натуралиста идея, что есть «мышление общества как целого» – **как реальность** более реальная, чем его собственное мышление. Натуралист, в действительности, вообще не допускает в жизнь-бытие более первичное понятие «общество как целое» (общество как реальность **до** персоны), он будет держаться линии: общество — это мы, общество это не более, чем совокупность персон. Натуралист ..., натуралист он до мозга костей. Натурализм пропитал все и вся — история и та уже переписана с мечтательно-коммунистического облика на brutally-либеральный «конец истории» по Фукуяме. Событийность

истории — это колебания курса доллара, а итоги — проценты в банке. Иного движения истории вообще не признается и просто не видится.

ПРОЕКТНЫЙ МИФ

Новоевропейскую культуру, по умолчанию, принято считать всечеловеческой. В отношении науки это, пожалуй, так и есть. Это означает, что мы наследники и ее заблуждений или, мягче выражаясь, ее наивностей. Самая распространенная наивность состоит в том, что будто древние были буквально детьми в интеллектуальном отношении, веруя в свои мифы-сказки. А мы теперь на место мифа поставили науку и научное мировоззрение. Представитель более глубокой русской философской традиции, А.Ф.Лосев ставил высоко значение и место мифа в культуре и, напротив, весьма скептически относился к мировоззрению вообще, к «научному» в особенности. Представляет значительный интерес вопрос: может ли современное человечество жить без мифов вообще и почему А.Ф. Лосев утверждал, что в основание новоевропейской культуры заложен научный миф?

Последние три-четыре столетия происходило утверждение антиисторической и просто убогой антропологии: человек-персона есть «хомо сапиенс», «человек разумный».

Сразу заявим, что «хомо сапиенс» никакого отношения к науке не имеет: это не вывод, не результат и не итог серьезной науки, а именно идеологический постулат. Просто «символ веры» новоевропейской культуры, надолго парализовавший развитие гуманитарных наук.

Суть научного мифа состоит в том, что человечество якобы познает Бытие, а потом — в Нем действует. Но действительный порядок жизни до сих пор иной — люди сначала действуют и действуют так, как понимают задачу или проблему и только в результате действия-«опыта» (по Канту) получаем не апостериорное знание, а новое видение ситуации (ставят проблему или задачу наново). Теперь уже во многих научных

дисциплинах осознается процедура постулирования. Но состав и способ Бытия постулируется «формами деятельности», а уж потом познаем то, что постулировали так и прежде того. Подлинный субъект деятельности — исторически протяженное человечество, оно же, и это доказывается в монографии, — подлинный субъект познавательного отношения.

Это уже совсем не по Канту и, уж тем более, находится в полном противоречии с наивными и кардинально ложными схемками бодренского марша самого себя сознающего человечества, делающего шаги по проекту, прогнозирующего и предвидящего свое будущее. Кратко говоря, вывод А. Ф. Лосева о научном мифе можно конкретизировать: человечество живет в мифе **проектном**. Когда столяр делает стол, у него уже есть проект стола, а когда ты, человек, живешь якобы умом, где проект твоей жизни? И даже нынешний вопиющий кризис **вообще понимания** происходящего с человечеством не может охладить головы, разгоряченные безумием наперед постулируемой «разумности общества» из «разумных человек». И Г. П. Щедровицкий не раз подчеркивал, что слово «разумный» по мере (сугубо идеологической) надобности произвольно, без оговорок применяется то к персоне, то к обществу.

Важно отметить именно негативный смысл слова «миф». С одной стороны, развитие исторического человечества представляет собой **стихию складывания**, а с другой — и рядовой обыватель, и рядовой работник научного фронта уверены, что где-то есть кто-то, кто по точным формулам (математической экономики, наверное) ведет общество в правильном направлении. В тотальной погруженности в проектный миф, то есть в наивной уверенности (вере!) — предпосылка манипуляции мнением обывателя и тормоз развития гуманитарных наук как наук, строимых исторически.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Изложенное и объясняет, почему необходим именно исторический подход к интеллектуальной культуре человечества: он необычен, от иных предметов изучения отличается тем, что его нельзя положить перед своим мысленным (и физическим взором) и изучать как внешнее себе, устроить наивное субъект-объектное познавательное отношение. Уже хотя бы потому, что ведь мышление автора (а для читателя этих строк — его, читателя, собственное мышление) втянуто и вовлечено в ту же интеллектуальную культуру.

Итак, на замену наивному представлению о «познании объекта субъектом» автор ставит исторический подход к проблеме познания. Он и является предметом монографии, которая является «одним большим рефлексивным напряжением», задача которого — выстроить мысль (ибо наглядно зримые картинки и мышление в зрительном поле не помощники) и удержать под ее контролем отношение между мышлением автора (соответственно — читателя) и мышлением человечества как исторически развивающегося целого.

Ни в науке, ни в философии вообще нет исторического измерения как действительно на все влияющего «обстоятельства», нет исторической глубины, нет исторической координаты.

Позитивные науки стоят на наивном натурализме и на полном игнорировании вопроса о субъекте знания, более того, вопрос этот был бы для них вреден, ибо помешал бы главному организационному принципу науки — недоразумению с субъектом.

В философии признается якобы развитие мысли, но вне исторического движения жизни человеческого общества и как только якобы развитие мышления во имя мышления, для своих собственных целей. Мышление пытаются изучать в его изоляции от иных психических сторон жизни реального человека, таких как эмоции и показания органов чувств, ибо считается, что они не вносят ничего, кроме «ошибок» в работу мысли. В таком случае все «развитие» мышления сводится к мысленные построения по законам логики.

В историческом же подходе мышление как «процесс» втянуто в полноту жизни, оно не «познает мир», а обслуживает жизнь-выживание живого существа: мышление не берет и не выбирает предметы мышления, а они ему задаются показаниями органов чувств и эмоциями. Потому и «продукты мышления» — не итог изолированного развития мышления, а результат совместного исторического развития «форм деятельности» вместе с «формами мышления». Точнее, даже не одного мышления, а всей психической стороны деятельности, всего психического «сопровождения» деятельности. Не то, чтобы «бытие определяет сознание», но бытие, исторически конкретные жизненные задачи живого организма и есть предмет первых его «размышлений».

Наивный натурализм мнит свои объекты познания непосредственно данными ученому и, на самом деле, вообще оставляет без изучения вопрос об этой самой данности. Автор же именно эту данность-заданность и изучает: именно исторически и конкретно.

СТИХИЙНО ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСТУЛИРОВАНИЕ

Животное тянулось к цели, человек — к палке, которая поможет ему дотянуться до цели, потом — к тому рубилу, который поможет усовершенствовать палку, которая поможет ему достичь цели метанием копья и т.д.

А потому и зарождение интеллекта можно и нужно объяснять как происходящее по мере потребностей развития всецелой психической стороны всей активности живого организма — вначале пра-мысль связывала показания органов чувств с памятью об эмоциях — так ведь только возможен опыт. Объектов деятельности для животного нет, а потому нет и всего объективного мира, физической реальности.

Она ему не нужна и оно ее еще («поэтому»!) и не породило.

Объект у человека появился не потому, что он и для себя объект и сам по себе объект, а потому, что человек **сделал его объектом** своей деятельности. И лишь поэтому и в меру этого и одновременно — **объектом познания** во имя проекта будущей

деятельности. Пра-человек, конечно же, таких слов не знал и такими проблемами постулирования картины Бытия не мучился, а «просто жил», строя рубилом из палки будущее копье, проект которого он вообразил уже в уме (это конечно же не чертежи и не на бумаге, но именно проект будущего объекта, **отдельно от (ибо «до»)** применения и это и есть важнейший вынужденно-интеллектуальный шаг развития психики.

Наш предок не выбирал ни способ бытия («существование»), ни его состав в нашем научном смысле слова, в смысле осознанного полагания, а он просто в Бытии жил, но жил так, действовал так и в меру действия мыслил так, что мы теперь нашим очень поздним умом за него делаем выводы — он так **дейтельно относился** к Бытию, так его понимал и воспринимал, как будто бы Оно состояло из объектов и они бытийствовали способом «существование», существовали для него в той его деятельности. Но ведь это содержательно и означает, что он **выработал идею внешнего** (по отношению к его психике) **бытия** и придал ему конкретный способ бытия и состав, конечно же, не осознавая этого.

Современно выражаясь, он постулировал и способ, и состав бытия всей своей жизнью, жизнедеятельностью. Ведь раз он брал отдельный камень и «просто» обрабатывал его, то значит он бытие камня понимал отдельным (в операциях над ним) от бытия других камней и считал, что на время операции обработки и использования он не изменится и он не ошибался в этом — древние рубила действительно и для нас существуют: не только в археологическом смысле, но и в бытийственном — мы ведь тоже не успели заметить в них иной формы или способа бытия в том смысле, что кремниевые рубила не «плывут» в руках как туман или струйки воды и не рассыпаются на глазах. Ну а то, что мы теперь понимаем, что и «седые пирамиды» не вечны, поверхность пирамид осыпается «на глазах» у исторического человечества, а мраморные статуи на улицах Рима так и вовсе тают в современной ядовитой атмосфере на глазах уже отдельного и конкретного человека — это иная и вторичная идея, используемая нами только для того,

чтобы «усовершенствовать» первичную и незыблемую идею существования, нисколько не затрагивая ее первичной сути: «неизменности» как якобы собственного свойства Бытия.

Это очень важно подчеркнуть: речь не о том, что первая модель Бытия — «неправильная» или ограниченная модель: ибо раз уж все со временем рассыпается и модельный способ бытия, «существование» обманывает наши ожидания по поводу того, как же «на самом деле», то нужно от этой модели поскорее отказаться или, по крайней мере, подправить. И до сих пор подавляющая часть даже якобы философских построений представляет скрытую «схватку под ковром» онтологии, борьбу за «подправление» онтологической картины. Но при этом не достигается главное различие — **нет четкого вычленения модели вообще и решительного отличия ее от моделируемого ею Бытия.** Задача автора — не предложить немедленно и непременно новую, «правильную» модель, а совершенно иная — установить непреложный факт: мы всегда используем некоторую модель Бытия и никак иначе не можем. Мы — люди, то есть участники жизни исторически развивающегося человечества и в нем рождаемся не только телесно (воплощаемся), но и психически (вочеловечиваемся), и вочеловечивание представляет собой не освоение неким гносеологическим маугли того, что накопило человечество только в интеллектуальной сфере, а «погружение в культуру» как целое и освоение сразу всего способа бытия специфически по-человечески. Мы — люди, а значит у нас по два глаза и по две руки, центробежная и центростремительная «древообразные» пути нервной системы, центральная нервная система, генетическая память, накопленная миллионами лет экспериментов в животном мире и отложившаяся «автоматизмами» инстинктивно-двигательных реакций на раздражения и т.п. Это уже есть и уже как-то реально работает. И ум, и разум «хомо сапиенса» — не взамен этого, а с этим вынужден как-то устроить свои отношения: только так и допустимо понимать психологическое развитие в противовес убогому и ненаучному постулированию: человек — «разумное существо» и стоит перед Бытием со своим умом-разумом. Для такого противостояния человек-персона

не состоятелен во всех отношениях: перед «природой» стоит, живет историческое человечество. Оно, во всей его протяженности аж до животной стаи – есть подлинный субъект развившейся деятельности и ее сопровождавшей интеллектуальной культуры, и науки, в частности.

И до сих пор мы все и вся пытаемся, не осознавая того, воспринять через конкретную модель Бытия — «существование объектов». И существование — это наш способ видения и понимания, а не нечто присущее самому Бытию.

Но в продолжающемся младенчестве ни к чему знать это, нужно лишь втягиваться в формы и способы сугубо человеческой деятельности, механическая часть которой стоит на первой модели Бытия. Кубики, пазлы, детские конструкторы всех видов внушают младенцу: мир состоит из рядом положенных, непроницаемых деталей, которые неизменны. И некому было этому младенцу объяснить, а главное — он и не способен был понять, что мы не способны на это и во взрослом состоянии, ибо нет выразительных средств.

ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ – ПРОБЛЕМА АВТОРА

Автор, понимая положение собственного мышления (и его продуктов) в интеллектуальной культуре, осознает, что для него наряду с задачей изучить и понять стоит вторая, не менее сложная задача — так изложить в монографии проблему, чтобы читатель ее понял, как ее понимает сам автор, сумел бы повторить ход мысли автора, не теряя нить рассуждений и добрался бы до тех же выводов.

Читателю с натуралистическим, принципиально дофилософским уровнем психики монография будет полезна как стимул к развитию мысли (и через нее — всей психики), но гарантии, что он сможет удержать предмет монографии, конечно, нет.

Предмет монографии умозрительный и грандиозный и даже от подготовленного читателя требуется удержание её замысла и работа с её предметом.

Слово «умозрение» теперь не в чести и порой употребляется в негативном (или даже издевательском) смысле — как нечто надуманное и ненаучное. На самом же деле, на умозрение («зрение» умом) опирается более высокий «тип» мышления, позволяющий продвигаться в те сферы, где отказывает привычное и общеупотребительное наглядное мышление, мышление в «зрительном поле» всех органов чувств.

Итак, будем надеяться, что натурализм читателя будет ограничен, и он овладеет историческим мышлением. Тогда можно приступать к основной проблеме, скрытно присутствующей в философских построениях многих авторов, более того, составляющей их глубинный смысл. Это вопрос о том, **что же реально есть Бытие**, а не его интуитивно создаваемая модель. Ответ на него зависит от уровня общего духовного (общепсихического) развития **самого решающего** этот якобы внешний для него вопрос. Ведь для натуралиста реальны только вещи-объекты. Феномены собственной же психики для него смутны, иллюзорны, если даже и признаются им, то в качестве неких бледных теней от вещного и осязаемого мира. Это его состояние неслучайно и задано самой логикой общепсихического развития каждой персоны: психологи единодушны в том, что полагает начало психическому развитию осязательно-двигательная активность, и именно она выстраивает пространственно понимаемый нами мир, а зрение и слух (чувства-теоретики по Марксу) лишь подхватывают, присваивают, далее используют эту первую модель Бытия. Еще Риль понимал, что «взрослый человек видит мир тысячью опытов по ощупыванию, проделанных в раннем детстве». От себя добавим: и довольно долго за реальность признает только брутально-грубо нащупанное.

Гораздо позже и как итог общепсихического развития человек-персона обнаруживает с удивлением реальность и своего, им забытого, психического «я». Великая историческая миссия новоевропейского, в первую очередь — немецкого, идеализма, в том и состояла, что «сумрачный немецкий гений» породил четкое понимание, что ряды психических феноменов не менее достойны внимания, нежели вещи, внешние им. Да и

«сумрачность» их мнимая, она следствие парадокса, что хотя психические феномены и ближе нам, мы ими живем, но по логике развития психики на них мы обращаем внимание гораздо позже. Ведь внимание (это – феномен, психологами уже существенно изученный) первоначально приковано к внешнему миру и исходящим от него опасностям. Хотя психика развивается, она собой на этой ступени развития не занимается. Развитие психики «происходит», а не психика себя развивает.

Очень важно подчеркнуть выправление понимания, возникшего при первоначальном развитии — ведь то, что достигнуто идеалистами, в уме большинства персон недостижимо. А именно — признание и принятие реальности собственного психического бытия и собственная работа над ним.

Это и есть то минимально необходимое продвижение читателя, которое своими построениями автор пытается у него вызвать (если его еще нет) и которое от читателя требуется для принятия и удержания им своим собственным умозрением рассуждений о работе и «устройстве» персональной психики (ее-то еще как-то можно соотносить с телесностью) и об интеллектуальной культуре человечества.

Вот эта очень условная и относительная общедоступность излагаемого автором в монографии ему самому кажется её слабой стороной.